

И. И. Скачкова

РОЛЬ МЕЖДОМЕТИЙ В СТРУКТУРЕ ЭМОТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению роли междометий в структуре эмотивной компетенции языковой личности. В ней описываются современная парадигма языковой личности, а также соотношение эмоции и когниции, являющееся содержанием эмотивной компетенции языковой личности. Предлагается схема вербально-когнитивного акта представления языковой личностью своих знаний об эмоциях в коммуникации, основанная на когнитивной схеме эмоций, разработанной ведущими российскими психологами.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, эмоциональная / эмотивная языковая личность, эмотивная компетенция, категориальная эмоциональная ситуация, когнитивный сценарий эмоций, корреляция эмоций и когниции.

I. I. Skachkova

ROLE OF INTERJECTIONS IN STRUCTURE OF EMOTIVE COMPETENCE OF LINGUISTIC PERSONALITY

The role of interjections in structure of emotive competence of linguistic personality is considered. The modern paradigm of linguistic personality as well as the correlation of emotion and cognition, being the content of emotive competence of linguistic personality, is described. The scheme of verbal and cognitive act of comprehension by linguistic personality of knowledge about emotions in communication, based on the cognitive scheme of emotions, developed by the leading Russian psychologists is offered.

Keywords: communicative competence, emotional/emotive linguistic personality, emotive competence, categorical emotional situation, cognitive scenario of emotions, correlation of emotion and cognition.

Языковая личность (далее — ЯЛ) реализует себя в процессе коммуникации. Адекватная реализация коммуникативных интенций, полноценность и адекватность общения, коммуникативный успех зависят от коммуникативной компетенции ЯЛ, под которой понимается совокупность способов использования знаний и стратегий общения [16, с. 198]. С психологической точки зрения коммуникативная компетенция — это прежде всего способность ЯЛ адекватно ситуации общения организовать свою речевую деятельность в ее продуктивных и рецептивных видах [7].

И. В. Михалкина предлагает классификацию типов компетенций, которыми обладает ЯЛ: языковая, речевая, социолингвистическая,

цивилизационная, предметная, стратегическая, дискурсивная и коммуникативная. «Коммуникативная компетенция предстает как высшая форма владения языком, она может быть определена как конгломерирующая форма» [9, с. 65]. Другими словами, коммуникативная компетенция включает в себя в качестве компонентов все указанные виды компетенций.

Возможны два подхода к рассмотрению языковой компетенции, один из которых опирается в большей мере на лингвистические основания (языковая компетенция рассматривается как структурное целое — единство всех языковых подсистем в языковом сознании), а другой — на психологические (языковая компетенция рассматривается как

психологическая система, включающая два компонента: речевой опыт и знания о языке) [1, с. 36].

Д. Хаймс полагает, что «языковая компетенция имеет отношение к знаниям, которые дают возможность говорящему производить и понимать бесконечное количество предложений» [26, с. 5].

«Языковая компетенция — приобретенное интуитивное знание небольшого количества правил, которые лежат в основе построения глубинных структур языка, преобразуемых в процессе общения в разнообразные высказывания, т. е. в поверхностные структуры. Знание правил не означает обязательного умения формулировать их» [5, с. 58]. Эти эмпирические языковые знания носят системный характер.

А. М. Шахнарович рассматривал языковую компетенцию как функциональную, иерархически организованную систему, являющуюся следствием отражения и генерализации элементов системы родного языка, функционирующей по определенным (неосознаваемым) правилам. Таким образом, языковая компетенция — это знание системы языка и правил их выбора [16, с. 42].

Но «язык как средство коммуникации вбирает в значения ... все, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей... Язык обладает способностью накапливать и хранить в содержании единиц лексикона сведения о предшествующих (т. е. уже накопленных) знаниях об обозначаемом» [19, с. 84—85], язык есть часть социальной памяти, совокупность значений (не языковых), составляющих ориентировочную основу деятельности (не только речевой, но и другой, например, познавательной)» [15, с. 43—44]. Поэтому языковая компетенция не может быть сведена к ряду или системе чисто формально-лингвистических правил и категорий [14, с. 46].

Практически каждый исследователь закономерностей, связанных с реализацией в языке и дискурсе потенциалов ЯЛ, отмечает так или иначе эмоциональную составляющую того, что именуется коммуникативной компетенцией.

Любые эмоции коммуникативны, другое дело, что знание об уместности их проявления и о качестве этого проявления составляет одну из сфер языковой и дискурсивной компетенции. Такая трактовка анализируемой сущности была дана в диссертационном исследовании Е. Б. Харисова: «Под языковой компетенцией мы понимаем не только знание системы единиц языка и правил их употребления, но и **эмоциональные** (выделено нами. — И. С.), познавательные и коммуникативные процессы, которые формируют ее содержательный фонд» [20, с. 39]. Мы придерживаемся этого определения языковой компетенции потому, что в нем подчеркивается вхождение эмоциональной компетенции в языковую компетенцию.

Реализация языковой и коммуникативной компетенций человека всегда происходит в процессе коммуникации, а последняя неотделима от эмоций. Центральная роль эмоций в человеческой психике доказывается и тем, что интеллект никогда не остается один на один с самим собой, без эмоций (Goleman). Это проявляется в том, что «коммуникативная компетенция в качестве одной из важнейших компонент включает в себя эмоциональную/эмотивную компетенцию» [22, с. 8].

В. И. Шаховским было введено понятие «эмоциональная языковая личность», под которой понимается «синтез языковедческого и психологического знания», которым ЯЛ пользуется в коммуникации [24, с. 8]. Парадигма ЯЛ на сегодняшний день выглядит следующим образом:

- человек говорящий;
- языковая личность;
- речевая личность;
- коммуникативная личность;
- эмотивная личность.

Подобное разграничение аспектов ЯЛ возможно только в рамках научного исследования, поскольку каждый человек, как человек говорящий, в каждый момент своей речевой деятельности выступает одновременно в четырех ипостасях: как языковая, речевая, коммуникативная и эмотивная личность.

Способность ЯЛ принимать участие в эмоциональной коммуникации обусловлено уровнем ее **эмотивной компетенции**. Для того чтобы понять роль эмотивной компетенции в эмоциональной коммуникации ЯЛ, необходимо рассмотреть ее содержание, которое напрямую связано с темой настоящей работы: **каким образом эмотивная языковая личность осуществляет выбор тех или иных эмотивных междометий для выражения собственных коммуникативных интенций и в целях воздействия на партнера по коммуникации в разнообразных эмоциональных ситуациях общения**. При этом под содержанием эмотивной компетенции подразумевается **эмотивно-когнитивное соотношение**, т. е. соотношение эмоций и когниции, которое будет рассмотрено далее.

В научной литературе и средствах массовой информации тема эмоциональной компетенции является сегодня чрезвычайно актуальной: социум всегда стремится понять, каким образом состояние человека влияет на его поведение, чтобы иметь инструменты воздействия на него. Впервые понятие эмоциональной компетенции было предложено Р. Баком. Ученый определял ее как способность действовать в соответствии с внутренней средой своих чувств и желаний [25, с. 21]. И. П. Павлючко, развивая далее эту идею, под эмотивной компетенцией понимает знание, позволяющее языковой личности вербальными средствами адекватно выражать и обозначать свои и чужие эмоции в определенных эмоциональных ситуациях общения. Она представляет собой совокупность языкового и психологического знания, которое проявляется в той или иной степени в определенных ситуациях общения. Основным содержанием эмотивной компетенции является эмотивно-когнитивное соотношение знаний [17, с. 43].

Проблеме корреляции эмоций и когниции посвящено большое количество исследований как в психологии, так и в лингвистике. Она явилась предметом рассмотрения в работах многих отечественных и зарубежных ученых: С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, А. М.

Шахнаровича, Ю. А. Сорокина, В. И. Шаховского, Ф. Данеша, А. Вежбицкой, К. Изарда, Ж. Пиаже, Р. Пекруна, С. Шехтера, Дж. Сингера и др.

В отечественной психологии, методологические основы которой были изложены в трудах Л. С. Выготского, развивается положение о тесной взаимосвязи эмоциональной и интеллектуальной стороны сознания. С. Л. Рубинштейн, отстаивая это положение, писал: «...ни одна реальная эмоция не сводима к изолированно взятой, чистой, т. е. абстрактной, эмоциональности или аффективности. ... Всякая реальная эмоция ... представляет собой единство аффективного и интеллектуального. ... В действительности нужно говорить не просто о единстве эмоций и интеллекта в жизни личности, но о единстве эмоционального, или аффективного, и интеллектуального внутри самих эмоций, так же как и внутри самого интеллекта» [18, с. 552].

Ф. Данеш, анализируя природу соотношения эмоций и когниции, пришел к выводу, что когниция способна вызывать эмоции по той причине, что она эмоциогенна, а эмоции, в свою очередь, могут влиять на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов [1, с. 168—179].

В. И. Шаховский, анализируя корреляцию эмоций и когниции, говорит о том, что человек регулярно вступает в различные отношения с другими людьми и объектами мира в многообразных коммуникативных ситуациях. При этом он практически всегда испытывает к ним те или иные эмоции. Практика показывает, что эмоции и мысли могут воспроизводиться в сознании одновременно: эмоциональная память, как и эмоции, является одной из подсистем сознания. Об этом же, как утверждает В. И. Шаховский, говорит и гипотеза А. Бине, выдвинутая около 100 лет назад, о первоначальном возникновении мысли в форме эмоционального образа, формирующегося до ее речевой выраженности [23, с. 308].

Доказано, что необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности является **эмоциональная активация**.

Некоторые исследователи выделяют эмоциональное мышление в качестве самостоятельного типа, что представляется убедительным, так как деятельность личности, ее сознание, мышление, эмоции (как часть ее психики) и язык социально и неразрывно взаимосвязаны. Поэтому истинность мышления проявляется в речевых поступках человека, в том числе в эмоциональных. В. И. Шаховский подчеркивает, что языковое сознание и ощущение эмоций невозможно без работы сознания. «Вербализованная эмоциональность носит осмысленный характер. Способность человека как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе коммуникации и, в зависимости от них, «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не «пропускать» их в язык указывает на интеллектуальность коммуникативной эмоциональности» [23, с. 309].

Коммуникация предполагает определенный интеллект, а общение без эмоций невозможно. Поэтому правомерен вывод ученых о существовании эмоционального интеллекта. Д. Гоулман по этому поводу пишет: «Heart Start is the emotional equivalent of the Head Start» [23, с. 8]. Этот факт подтверждает тезис С. Л. Рубинштейна о том, что эмоциональная жизнь человека связана с его интеллектом и что его эмоции интеллектуальны.

Развитие человеческого интеллекта и связанное с этим развитие становление и усовершенствование коммуникативного инструмента человеческой деятельности — языка и речи — давно интересует лингвистов, психологов, антропологов и этнографов, что находит свое выражение в построении различных теорий о происхождении и развитии языка. Среди этих теорий существует и такая, которая напрямую указывает на то, что первичными формами языка являлись междометия как экспликации эмоций, на базе которых происходили лингвокогнитивные процессы, развивающие человеческий интеллект параллельно с совершенствованием навыков говорения [26]. Таким образом, изучение

проблемы взаимодействия эмоций и когниции представляется перспективным именно в плане становления эмотивной компетенции говорящего посредством уместного употребления междометий в эмотивном дискурсе.

В настоящее время некоторые ученые разрабатывают когнитивные сценарии эмоций (Н. Д. Былкина, Д. В. Люсин, Р. Пекрун; А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз, А. Вежбицкая и др.). В связи с этой проблемой можно говорить о двух существующих подходах. Так, А. Вежбицкая считает, что эмоции культурно обусловлены, они «навязываются языковому коллективу различными когнитивными сценариями, ... а сами когнитивные сценарии созданы не универсальной человеческой биологией, а культурой, которая, в свою очередь, сформирована историей, религией, образом жизни» [7, с. 118]. Эту же точку зрения отстаивает И. Т. Вепрева: «все когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексами» [8].

Доказательством того, что эмоции обеспечивают социальную связь между людьми не только одного социума, но и принадлежащими к разным культурам, является целый ряд исследований [2; 13], подтверждающих, что, хотя переживание эмоции совершенно лично и индивидуально, ее выразительный компонент, прежде всего представленный как мимические комплексы, социален.

Некоторые эмоции (например, страх) являются универсальными, общекультурными; их физиологическое проявление, кодирование и декодирование в общем одинаково для людей всего мира, безотносительно к их культуре, языку, образовательному уровню. Именно за счет универсальности переживания страха (и некоторых других эмоций) становится возможным межкультурное общение, хотя, с другой стороны, нельзя оставлять без внимания культурную специфику проявления и переживания эмоции, которая обусловлена

социальными, культурно-историческими нормами отдельно взятого общества.

В категориальных эмоциональных ситуациях люди одной конкретной культуры испытывают и выражают принципиально одинаковые эмоции, однако каждый индивид варьирует типизированную эмоцию в зависимости от своего индивидуального опыта и в пределах социального (обобщенного) опыта.

«Знания об эмоциях формируются линейно, постепенно, на основе личностного, видового (социального) опыта и биологической памяти. Они включают в свою концептуальную структуру знания-рецепторы (базовые, одинаковые для семантической памяти всех коммуникантов) и знания-ретуши, различные для разных коммуникантов. И те и другие формируют концептуальное значение лексикализованной (ословленной и означенной) эмоции в форме ментального конструкта» [23, с. 310].

Принимая во внимание все вышесказанное, рассмотрим **когнитивную схему эмоции**, предложенную Н. Д. Былкиной и Д. В. Люсиным. По их мнению, «в когнитивных схемах эмоций кристаллизуется эмоциональный опыт человека, его знания о причинах и проявлениях эмоций» [6, с. 39]. Одной из важнейших функций когнитивной схемы эмоций является функция идентификации своих и чужих эмоций. Согласно обозначенной схеме первой группой ее элементов являются **антецеденты**, т. е. то, что предшествует и является причиной эмоции. К ним относятся эмоциогенная ситуация и цели человека, которые он преследует в этой ситуации (эмоциогенная ситуация в ее взаимодействии с имеющейся у человека целью) [3]. В качестве объединяющего ядра схемы выступает полученное из личного опыта **знание** о субъективном переживании эмоции. Оно плохо поддается фиксации с помощью средств языка и запечатлевается в памяти непосредственно. Благодаря этому мы знаем, чувствуем, какую эмоцию мы испытываем. Группа элементов, включающих внешние **невербальные проявления**, замыкает эту схему.

К ним можно отнести выражение лица, физиологические проявления, вокальные и поведенческие изменения. Для идентификации эмоции необходимо учитывать дополнительную информацию о некоторых промежуточных переменных, опосредующих порождение и проявление эмоции, которые называются **медиаторами**. Это индивидуальные особенности (темперамент, личностные черты, внутриличностные конфликты, характеристики волевой сферы), которые определяют предрасположенность к возникновению и проявлению тех или иных эмоций; культурные особенности, предопределяющие способы выражения эмоций, нормы, предписывающие, какие эмоции следует, а какие не следует проявлять; актуальное физическое и психическое состояние человека [6, с. 39—41]. Необходимо заметить, что когнитивная схема эмоции отражает не реальное протекание эмоциональных процессов, а форму, в которой организованы знания об эмоциях в памяти человека. На наш взгляд, недостатком представленной теории репрезентации человеком своих знаний об эмоциях является то, что она не показывает связи с вербальным проявлением этих эмоций.

Однако, опираясь на идею этой концепции, Е. Б. Харисов предложил схему вербально-когнитивного акта представления детьми (начиная с 6—7 лет) своих знаний об эмоциях (рис. 1), которая показывает динамику развития от внутреннего ментального процесса до вербализации этого эмоционального знания в определенной эмоциональной ситуации общения [20, с. 32]. Под актом представления знаний об эмоциях понимается знаково-мыслительный процесс детской речемыслительной деятельности, который лежит в основе способности детей давать вербальное обозначение своим и чужим эмоциям. Этот акт является моделью работы механизма эмотивной компетенции у детей в конкретной коммуникативной ситуации.

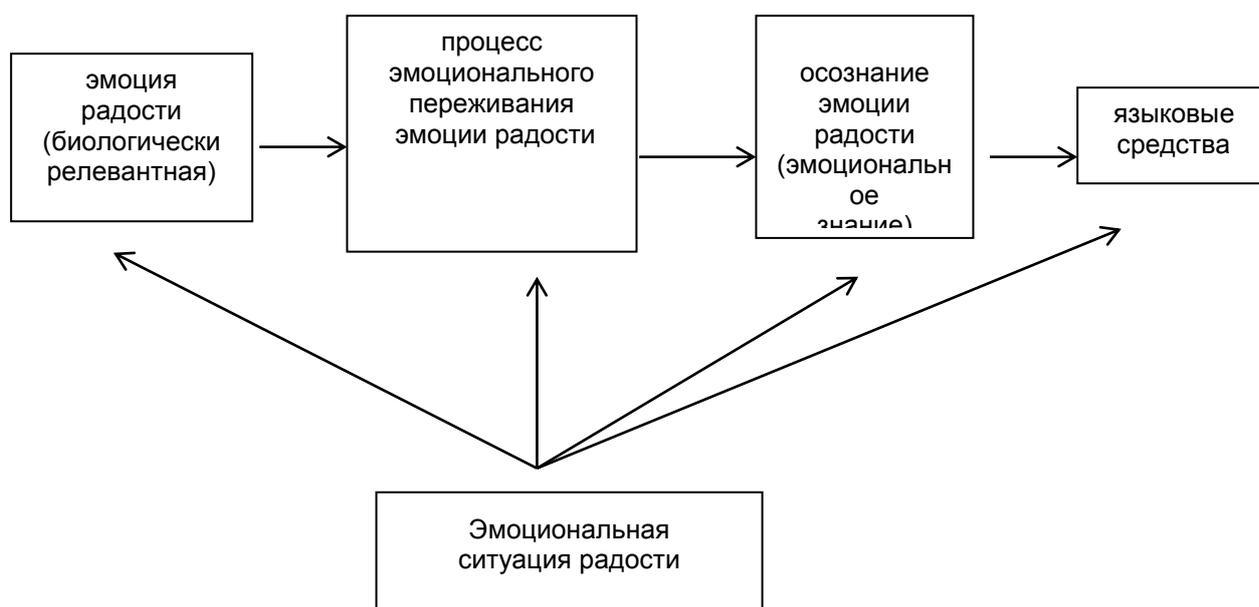

Рис. 1. Вербально-когнитивный акт представления детьми своих знаний об эмоциях в коммуникации

Первым компонентом схемы является биологически обусловленная эмоция радости у детей как некий эмоциональный импульс, который побуждает их к эмоциональному переживанию его. Это эмоциональное переживание и является вторым компонентом акта. Эмоциональное переживание уже у 6—7 летних детей стимулирует осознанное понимание той эмоции, которую они испытывают. Осознанное понимание (эмоциональное знание) является третьим компонентом акта. Он, в свою очередь, помогает детям выбрать из своего лексикона адекватные эмотивные языковые средства, которые и составляют четвертый компонент.

В схеме также присутствует пятый промежуточный компонент, обуславливающий появление четырех вышепредставленных компонентов. Им является эмоциональная ситуация общения. Е. Б. Харисов полагает, что и биологический импульс радости, и его эмоциональное переживание, и осознание ситуации, в которой испытывается радость, и языковое обозначение вызваны этим пятым компонентом. Без него невозможен весь процесс вербально-когнитивного акта представления детьми своих знаний об эмоциях, так как именно он дает им знание и представление о

возможных местах и ситуациях общения, в которых в дальнейшем человек способен пережить эмоциональное состояние радости [20, с. 33].

Данная схема вербально-когнитивного акта представления своих знаний об эмоциях «составляет основу работы механизма эмотивной компетенции 6—7 летнего ребенка» [6, с. 47] и взрослой языковой личности. Это возможно потому, что к 6—7-летнему возрасту «в целом завершается овладение языком как системой фонетических, грамматических и лексических норм. Развивающаяся языковая личность становится обладателем языкового механизма, который открывает ей новые когнитивно-коммуникативные горизонты. Ребенок получает возможность с помощью языка порождать многообразные речевые произведения» [10, с. 160].

Однако полагаем, что в схему вербально-когнитивного акта представления своих знаний об эмоциях взрослой языковой личности необходимо включить еще два компонента: коллективное знание, т. е. видовой когнитивный опыт конкретного этноса, который регулирует выбор языковой личностью эмотивных языковых средств, и индивидуальное знание, т. е. индивидуально-личностный когнитивный опыт,

который варьирует выбор эмотивных языковых средств (в нашем случае — эмотивных междометий). Рассмотрим вербально-когнитивный акт представления языковой личностью своих знаний об эмоциях на примере эмоции удивления (рис. 2).

Данная эмоция была выбрана нами потому, что исследование лексикографического аспекта проблемы междометных референций показало, что в английском и русском языках больше всего междометий имеют референции с эмоцией удивления (36 словарных междометий в русском

языке и 56 словарных междометий в английском имеют референции к указанной эмоции). Это, по-видимому, свидетельствует о том, что из всех эмоциональных состояний удивление — наиболее частотное, многократно переживаемое состояние языковой личности. Эта мысль подтверждается Н. В. Дорофеевой: «Еще древние мыслители Платон, Олимпиадор и Аристотель открыли смысл удивления и показали первоосновность удивления в познании» [11, с. 51].

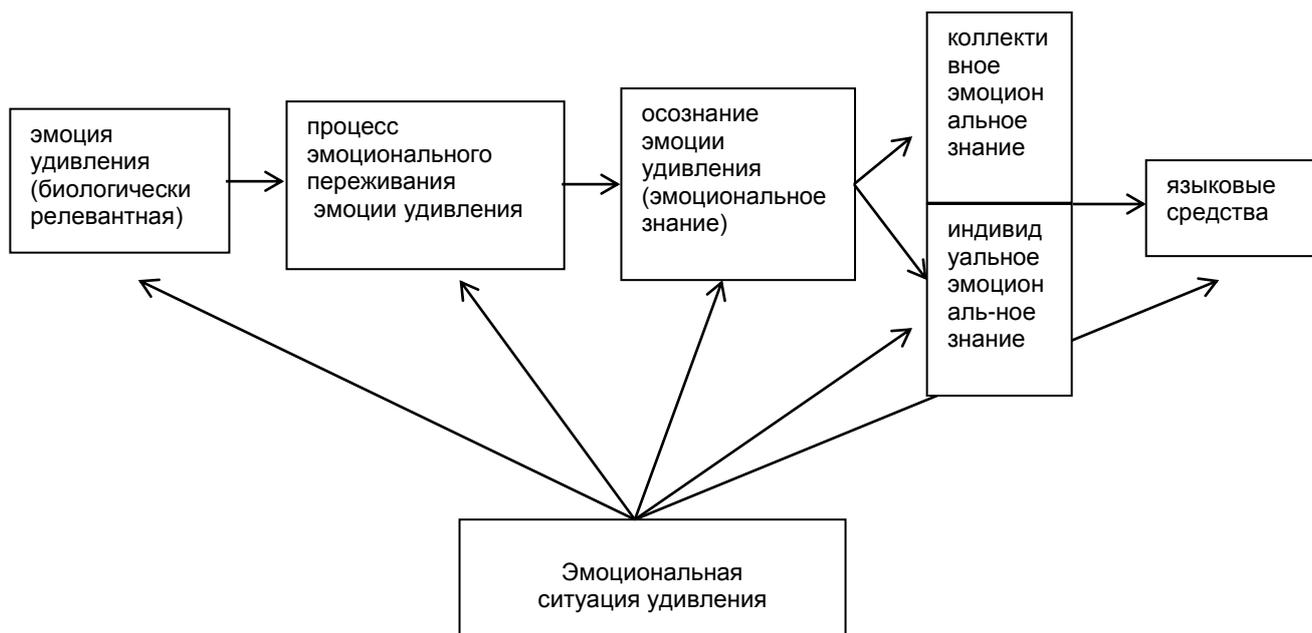

Рис. 2. Вербально-когнитивный акт представления языковой личностью своих знаний об эмоциях в коммуникации

Первой стадией описываемой схемы вербально-когнитивного акта представления своих знаний об эмоциях ЯЛ является биологически обусловленная эмоция удивления как некий эмоциональный импульс, который побуждает человека к эмоциональному переживанию его. Это эмоциональное переживание — второй компонент вербально-когнитивного акта представления ЯЛ своих знаний об эмоции удивления.

Эмоциональное переживание стимулирует

осознанное понимание той эмоции, которую испытывает ЯЛ. Осознанное понимание (эмоциональное знание) является третьим компонентом описываемого акта. Четвертым компонентом является коллективное знание, которое регулирует выбор ЯЛ эмотивных языковых средств. Следующим — пятым — компонентом схемы является индивидуальное знание, которое варьирует выбор эмотивных языковых средств в нашем случае — эмотивных междометий),

составляющих шестой компонент. Он, в свою очередь, помогает ЯЛ выбрать из своего лексикона те эмотивные языковые средства (т. е. эмотивные междометия), которые и составляют шестой компонент.

В данной схеме присутствует еще один — промежуточный — компонент, обуславливающий появление всех представленных выше компонентов. Им является **эмоциональная ситуация общения**. Полагаем, что биологический импульс удивления, его эмоционально-логическое переживание, осознание ситуации, в которой испытывается удивление, видовой когнитивный опыт конкретного этноса, индивидуально-личностный когнитивный опыт, а также языковое выражение эмоции удивления вызваны именно этим компонентом. Без него невозможен сам процесс вербально-когнитивного акта представления ЯЛ своих знаний об эмоции удивления (как и о других эмоциях), так как именно в нем содержатся знания и представления ЯЛ о возможных ситуациях общения, в которых человек может пережить эмоциональное состояние удивления.

Необходимо заметить, что описываемая схема носит условный характер, но репрезентированный в ней вербально-когнитивный акт представления ЯЛ своих знаний об эмоциях составляет, по нашему мнению, основу работы механизма эмотивной компетенции ЯЛ. В качестве примера приведем отрывок из романа У. Сомерсета Моэма «The Razor's Edge», из содержания которого очевидна корреляция эмоции удивления с эмоциональной ситуацией общения, осуществленная посредством междометия, которое оказывается наиболее уместным в этой ситуации, что свидетельствует об эмоциональной компетенции говорящего.

«He stood in front of me, his hands in his pockets, showing his white teeth, **with a look of amazement** in his dark eyes.

«You don't remember me?», he said.

«I've never set eyes on you in my life».

I was prepared to give him twenty francs, but I wasn't prepared to let him get away with the bluff that we knew one another.

«Larry», he said.

«**Good God!** Sit down». He chuckled, stepped forward and took the empty chair at my table. «Have a drink». I beckoned to the waiter. «How could you expect me to recognize you with all that hair on your face?» [27].

А. Ортони, Дж. Клоур и А. Коллинз предлагают свою теорию когнитивной структуры эмоций, при построении которой необходимо учитывать четыре типа данных, а именно: 1) язык эмоций (поскольку «при определении границ теории эмоций трудно избежать слов и выражений естественного языка, соотносимых с эмоциями»), 2) самоотчеты («self-reports») о переживаемых событиях, 3) поведенческие данные и 4) физиологические данные [15, с. 322—327].

Сценарий эмоций, предложенный Ю. Д. Апресяном, включает пять фаз, которые в совокупности характеризуют эмоцию: первопричина эмоции, непосредственная причина эмоции, собственно эмоция, обусловленное эмоцией действие, внешнее проявление эмоций.

Следует заметить, что адекватное использование средств языка (эмотивных междометий) для трансляции (выражения) эмоций возможно только в одном случае — через прямой и собственный эмоциональный опыт. Только через собственное переживание эмоций у ЯЛ формируется личностная структура знаний о них, включающая их причины, дифференциальные признаки эмоционально-ментальных состояний и их последствия, на фоне специфических для каждой эмоции категориальных ситуаций.

Такие структуры знаний об эмоциях должны быть познаны, осмыслены, поняты, усвоены, согласованы с эмоциональными сигналами тела и мозга и вербальными знаками — их субститутами в реальной коммуникации. Без правильной атрибуции вербальных знаков эмоций успешная коммуникация невозможна.

Через когнитивное осмысление ЯЛ идентифицирует / дифференцирует языковые знаки (эмотивные междометия) и их референты — эмоции. Эти коррелятивные связи возникают только в сознании и не могут зафиксироваться

в речевой практике без их осознания. В следующих примерах междометия «ах», «*oh my dear*» и «*well*» сознательно используются коммуникантами для имитации эмоций:

«Ухая и кой-как держась в седле, хранимый случаем, он приезжает сквозь осеннюю тьму к голубому своему домику, стучит нагайкой в раму:

— Надюша! ... Встречай...

Из окошка в сад вымахнул запоздалый — с усиками, в брючках — местный франт, отворилась парадная дверь, сияющая, хмельная Наденька кинулась на шею: — Ах, Федюнчик!... А я все одна да одна... — И чмоки обцелованных франтом губ щекочут разомлевшее сердце пристава» (имитация эмоции радости) [29].

«Well, young feller», said Michael heartily, rubbing his hands, «do you know what I hear about you? I hear that you`re compromising my wife». ...

«Oh my dear», cried Julia gaily, «how marvelous! I`ve been trying to get someone to compromise me all my life. Who told you, Michael?».

«A little bird», he said arcily.

«Well, Tom, if Michael divorces me you`ll have to marry me, you know». ...

Charles was gravely, Michael boisterously, diverted by the young man`s obvious embarrassment. Julia, though she seemed to share their amusement, was alert and watchful» (имитация веселья) [28].

Таким образом, по мнению В. И. Шаховского, в качестве составляющих эмотивной компетенции эмотивной ЯЛ можно отметить умение homo sentiens осознать эмоции и выразить их, используя подходящее эмотивное междометие в соответствующей эмоциональной ситуации; знание референций междометий (особенно многозначных); умение декодировать эмоцию, выраженную собеседником посредством междометия; умение использовать то или иное междометие для имитации и сокрытия эмоций. Перечисленные знания и умения необходимы для адекватного внутрикультурного эмоционального общения. Для адекватного межкультурного эмоционального общения этим навыкам необходимо учиться

специально [23, с. 8].

Список библиографических ссылок

1. Danes, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field // Proceedings of the XIVth International Congress of Linguistics. Berlin, 1987. P. 168—179.
2. Ekman, P. Unmasking the Face: A Guide to Recognizing Emotions from Facial Expressions. N. J. Prentice Hall, 1985. P. 47—62, 135—153.
3. Frijda, N. H. The Emotions. Cambridge, 1986.
4. Hymes, D. Competence and Performance in Linguistic Theory // Language Acquisition: Models and Methods. London, 1971. P. 3—24.
5. Божович Е. Д. Развитие языковой компетенции школьников: проблемы и подходы // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 33—44.
6. Былкина Н. Д., Люсин Д. В. Развитие представления детей об эмоциях в онтогенезе // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 38—48.
7. Вежбицкая А. Сопоставление культур через средство лексики и грамматики. М., 2001.
8. Вепрева И. Т. Выражение эмоций в английской и русской культурах // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникация-2002» («Communicating Across Differences»). Ч. 1. Пятигорск, 2002. С. 45—48.
9. Вятютнев М. Н. Понятие языковой компетенции в лингвистике и методике преподавания иностранных языков // ИЯШ. 1975. № 6. С. 55—65.
10. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М., 1997. С. 100—170.
11. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук. Краснодар, 2002.
12. Режим доступа: [http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html?d=azimov&s=речевая деятельность](http://slovari.gramota.ru/portal_sl.html?d=azimov&s=речевая%20деятельность) (дата обращения 01.03.2006)
13. Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 1999.
14. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
15. Леонтьев А. А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41—47.
16. Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М., 1995. С. 314—384.
17. Павлючко И. П. Эмотивная компетенция автора художественного текста (на материале произведений Г. Гессе): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 1999.
19. Телия В. Н. Роль образных средств в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82—89.
20. Харисов Е. Б. Эмотивность англоязычной детской речи, отраженной в художественной литературе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
21. Шахнарович А. М. Психолингвистический анализ семантики и грамматики: на материале онтогенеза речи. М., 1990.
22. Шаховский В. И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты?) // Аксиологическая лингвистика: проблемы изучения культурных концептов и этносазнания: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2002. С. 3—10.
23. Шаховский В. И. Эмоции и когниция: концептуализация и лексикализация эмоций // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы Междунар. симпозиума. Волгоград, 22—24 мая 2003 г.: в 2 ч. Волгоград, 2003. Ч. 1. С. 305—315.
24. Шаховский В. И. Языковая личность в лингвистике эмоций // Языковая личность: проблемы семантики и прагматики: сб. науч. тр. Волгоград, 1997. С. 3—10.
25. Яковлева Е. Л. Эмоциональные механизмы личностного и творческого развития // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 20—27.

26. Якушин Б. В. Гипотезы о происхождении языка. М., 1984.
27. Maugham, W. S. The Razor`s Edge. М., 2002.
28. Maugham, W. S. Theatre. М., 2000.
29. Шишков В. Я. Угрюм-река. Волгоград, 1982.

© И. И. Скачкова, 2009